

Франсуа ФЮРЕ

Мона Озуф

Французский ежегодник-2000,

посвященный 100-летию юбилею В.М.Далина

М.: Наука. 2002.

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения © За предоставление материала благодарим Александра Викторовича ЧУДИНОВА и за энергичное содействие – ELEANORE!

Представлять творчество Франсуа Фюре – дело не простое. Он не из тех авторов, чьи произведения благоговейно перечитывают и единодушно прославляют. Едва появившись, его книги сразу же оказывались в центре оживленной полемики и в научной среде, и далеко за ее пределами. Эта полемика, как и всякая другая, сопровождавшаяся преувеличениями и упрощениями, была вызвана тем, что Фюре трижды отступил от основной линии развития современной ему историографии. Тогда как историки его поколения предпочитали изучать «la longue dur?e» (длительную протяженность), он избрал для своих исследований только десять бурных лет нашей истории, и именно в этом качестве – историка Французской революции – приобрел известность. Хотя прежняя интерпретация этого периода имела едва ли не канонический характер, он полностью опрокинул ее без чрезмерной академической осторожности. И, наконец, хотя школа «Анналов», к которой он официально принадлежал, была школой социальной истории, он сделал упор на историю политическую, считавшуюся устаревшей и поверхностной. Вот эту-то полемику, ставшую результатом подобного тройного отхода, мы и возьмем за исходный пункт наших рассуждений.

Можно ли свести творчество Франсуа Фюре лишь к изучению Французской революции? И можем ли мы в историографии самой Революции считать его лишь глашатаем похода против направления, называемого, в зависимости от обстоятельств, «марксистским» или, что более точно, «якобинским»? Допустимо ли, наконец, отождествлять Франсуа Фюре с методологическим подходом, отдающим приоритет политической истории и выражаемым мыслью Вольтера о том, что идеи правят миром? Ниже я рассмотрю каждый из этих тезисов, чтобы оценить их обоснованность, внести, возможно, некоторые поправки и обязательно уточнить нюансы.

Прежде всего, не следует связывать образ Франсуа Фюре с узкой специализацией – изучением Французской революции. Чтобы вспомнить о разнообразии и многоплановости его интересов, достаточно лишь бросить взгляд на его библиографию. В его исследованиях нашло отражение множество сюжетов. Диссертация, начатая, но после оставленная им, касалась парижской буржуазии в век Просвещения. Кое-что из нее он использовал в написанной им совместно с Аделиной Домар работе о социальных структурах Парижа середины XVIII в.¹ В разные годы он поочередно интересовался прибылью в промышленности XIX в.², книготорговлей XVIII в.³, обучением французов грамоте от Кальвина до Жюлья Ферри⁴, распределением основных политических сил во Франции. Если же от книг перейти к его многочисленным статьям, то можно увидеть, что он размышлял об Америке, о государстве Израиль, о рождении исторической науки, о количественной истории и конструкции исторического факта, о связи истории и этнологии. Долгое время его занимали феномены терроризма и коммунистической идеи. Иначе говоря, в его творчестве были и другие работы, кроме тех, что посвящались Французской революции.

Однако совершенно очевидно, что именно книги о ней принесли ему известность, поскольку касались наиболее острой проблемы нашей национальной истории⁵. Таким образом, за Франсуа Фюре можно сохранить определение «историк Революции», но при двух условиях. Во-первых, не следует рассматривать Революцию как некий разрыв, событие исключительное и драматическое, – именно такое ее видение и побуждало Фернана Броделя отговаривать молодых историков, ищущих тему для диссертации, от выбора этого сюжета, который он находил узким и довольно примитивным. В теме Французской революции Фюре, на самом деле, интересовал весь революционный цикл, начиная с истоков – длинного восемнадцатого века, который задолго до случившегося провозгласил ниспровержение мирового порядка. По убеждению Фюре, Революция не столько сама осуществила, сколько сделала видимым то, что уже свершилось до нее, а именно – процесс десакрализации, который длительное время шел скрытно, без революционного пароксизма, и был отмечен грандиозной претензией людей заново присвоить себе то, что так долго находилось во власти Бога. С другой стороны, продолжением Революции Фюре считал весь XIX, а может быть, даже и XX в., когда ее последствия получают все новое и новое развитие: французы

постоянно колеблются между требованиями завершить Революцию и возобновить ее, ибо так и не сумели укоренить принципы, провозглашенные в ее основных установлениях. Революция, действительно, может породить новое общество, но не способна дать ему устойчивую конституцию. И она запускает политическую круговерть – конституционная монархия, республика, империя, монархия, опять республика и снова империя, – которая на протяжении всего XIX века поочередно «выводит на сцену», как сказали бы в театре, различные формы государственного устройства, опробованные Революцией.

Таким образом, Фюре – исследователь не единичного события, но истории революционной нации. Более того, он – исследователь, чьи интересы не ограничиваются одной нацией. Ибо второе условие, при котором мы вправе назвать Франсуа Фюре историком Французской революции, это – отказаться от такого ее определения, какое ограничивает значение данного события рамками одной страны. В действительности, легко заметить, что Фюре всегда рассматривает Революцию в сравнительном ключе. Когда он выбирает для сравнения Англию, то подчеркивает, что во Французской революции не было ничего похожего на английскую теорию и практику компромисса между двумя ветвями власти. Французская революция никогда не отличалась умеренностью и к идее равновесия властей с самого начала питала лишь презрение. Выбирая для сравнения Америку, он подчеркивает, что путешествие через Атлантику позволило американцам пережить разрыв, но не как головокружительный прыжок в неизвестное будущее, а как уход от аристократического общества и возвращение к историческому прошлому, к изначальным ценностям, – то, что французы, решившие полностью порвать со Старым порядком, не могли себе даже представить. Это сравнение позволяет Фюре лучше постичь суть и результаты французского понимания революции, которому, с одной стороны, сопутствовал успех, поскольку оно открывало такую безграничную перспективу, что каждое поколение могло связывать с ней новые надежды, способные пережить любой реальный опыт; с другой стороны – неудача, поскольку оно создавало иллюзию разрыва, хотя ни один народ, как убедительно показал ход истории, не может порвать со своим прошлым.

Подобная широта подхода позволяет историку увидеть в Революции провозвестника таких важнейших особенностей современной демократии, как разрыв традиционных социальных связей, неустойчивость нового политического порядка, конфликт между универсальными правами человека и интересами национального сообщества, конструктивизм, ставший душой современного общества, распространение равенства. Революция трактуется как политическое достояние всей Европы, а в XX в. – и мира в целом. Это объясняет, почему Фюре от исследования Французской революции перешел к изучению революции 1917 года. Последняя казалась той самой социальной революцией, которая, как предрекал Маркс, должна последовать за политической революцией французов. И то, что она начала с того, на чем остановилась Французская, обеспечило ей симпатии всех левых в Европе.

Однако Франсуа Фюре выделяет в каждой из этих революций ключевые моменты, чтобы задать жизненно важные для себя вопросы: Как возник у людей экстравагантный план полностью перекроить общественный договор? Почему революционное утро свободы так быстро сменяется кровавым закатом? Как, наконец, обреченные идеологии сопротивляются разоблачающей их реальности? Мы видим, что Фюре на протяжении своей творческой биографии проходит путь от изучения Французской революции – трагедии, выросшей из надежды, – к изучению коммунистической иллюзии – надежды, выросшей из трагедии, – а по пути размышляет над всеми остальными формами революционности.

Теперь, чтобы не оставлять тему Революции, я перейду к другой, пожалуй, несколько редуционистской манере представлять творчество Фюре, а именно – когда оно сводится к полемике с доминировавшим долгое время в историографии Революции направлением, называемым в зависимости от ситуации «марксистским» или, что более точно, «якобинским». Причем, доминировавшим в такой степени, что первая же книга Франсуа Фюре о Революции, которую он в соавторстве с Дени Рише написал еще во многом в духе Лабрусса (Революция по-прежнему трактовалась как неизбежная историческая необходимость), немедленно вызвала резко враждебную реакцию университетских кругов. Такая реакция, однако, пошла на пользу: она заставила Фюре уточнить свои идеи, что, по мнению одних, ослабило его позиции, а по мнению других, – усилило.

Предложенная Фюре трактовка Революции была, прежде всего, отрицанием. Он отверг идею о том, что Революция стала результатом классовой стратегии, имевшей целью привести буржуазию к власти. Революция, по мнению Фюре, не может быть названа «буржуазной» в том смысле, какой в это слово вкладывал Маркс, а также – историки Реставрации. Ведь буржуазия, совершившая в 89-м Революцию, в которой она к тому же не была единственным действующим

лицом, состояла во многом из правоведов, адвокатов, судей и прокуроров. Они, несомненно, были буржуа, но в старом смысле этого слова, и никоим образом не являлись носителями капиталистического уклада. Впрочем, если Французская революция была всего лишь пришествием буржуазного общества – тезис, объединяющий либералов и Маркса, – то становится непонятно, как один и тот же класс мог одновременно дать Мирабо и конституционную монархию, Робеспьера и якобинскую диктатуру, Барраса и Термидорианскую республику, Бонапарта и деспотизм централизованного государства? Попутно Фюре порвал также с другой, чисто марксистской идеей, согласно которой, эта буржуазная Революция несла в себе зародыш другой, будущей революции – подлинно освободительной революции пролетариата. Подобная идея была выгодна господствующей историографии, ибо позволяла ей парадоксальным образом включать в буржуазную Революцию явно менее буржуазный террористический эпизод.

Отказ связывать Революцию с социальным классом привел Фюре к тому, чтобы заменить ее прежнее определение как деяния буржуазии собственным, согласно которому, Революция – это мир отдельных индивидов, стремящихся на основе свободной воли перестроить общество, порвав с традицией. Отсюда следовало множество выводов, каждый из которых стал предметом бурных споров. Приведу лишь несколько примеров.

1. Считая Революцию осознанным действием, имеющим целью создание нового общества на основах разума и свободной воли, уже нельзя делить ее на либеральную и нелиберальную фазы. Значимость подобного разделения, которое на уровне фактов все же отчетливо прослеживается, поскольку сначала была Декларация прав, а потом – их приостановка, и которое к тому же Фюре в своих первых работах признавал, он позднее неизменно старался преуменьшить. В его трудах, написанных в зрелом возрасте, уже никакая фаза Французской революции не представлялась умеренной: с самого начала революционеры презирали теорию противовесов, ассоциируя ее одновременно с аристократией и с английским эмпиризмом – и то, и другое казалось им чудовищным. Настоящей конституционной монархии Революция никогда не знала, а знала лишь республику со всемогущей законодательной властью, где прежний король был низведен до уровня простого депутата Национального Собрания. Таким образом, Революции с самого начала были присущи потенциально опасные для свободы устремления и гипертрофированное представление о суверенитете народа, скопированное с теории абсолютизма.

2. Это прямо ведет к новой интерпретации Террора, в котором Франсуа Фюре отказывается видеть простое следствие обстоятельств – вынужденный контрудар по врагам Революции, не предполагавшийся заранее и импульсивный. Фюре признает, что обстоятельства, способствовавшие радикализации Революции, действительно существовали, в частности – внешняя война, не раз вызывавшая всплески паники, а также религиозный конфликт. Но при этом он отказывается смешивать стихийное революционное насилие, неизбежно сопровождающее народное восстание, с Террором. Последний представляет собою политическую систему, созданную государством во имя исторической необходимости и обладающую своим институциональным аппаратом, революционным трибуналом и особыми законами, которые определяют круг «подозрительных», лишая их при этом всех средств защиты. Иначе говоря, Террор – это режим насилия, установленный сверху. Все, что Фюре писал о Терроре, показывает, что эта система мало помалу сложилась в результате манихейского отношения к политике, неспособности воспринимать политического оппонента иначе, как в контексте войны и заговора, слепой веры в возможности политической воли – в то, что политика способна полностью и моментально изменить общество, если только государство применит насилие в достаточной степени. Другими словами, обстоятельства, способствовавшие радикализации конфликта, несомненно, существовали, но они имели второстепенное значение по сравнению с глубинными причинами – идеологической нетерпимостью, которая неизбежно сопутствует попыткам порвать с прошлым, неспособностью создать политический плюрализм, стремлением превратить политику в войну.

3. Если Революция более не является исторической необходимостью, то ее происхождение вновь обретает загадочный характер, а действующие лица – право на историческую инициативу. Поэтому Фюре в каждой последующей работе уделяет все больше внимания роли индивидов в истории, особенно, когда начинает заниматься новейшим временем. Как понять историю XX века без тех чудовищных личностей, что оставили в ней свой след, – Муссолини, Гитлера, Сталина? Как объяснить невероятное существование государства Израиль, если не брать в расчет фантастическую силу воли людей, одержимых мечтой?

Касаясь некоторых выводов из исследований Фюре, я уже несколько раз обращала внимание на эволюцию его мысли от первой книги 1965 года через «Постижение Французской революции» (1977) к работам в честь двухсотлетия этого события. Отмечалось, например, что через все «Постижение» красной нитью проходит мысль о необходимости выбирать между историописанием критическим в духе [Токвилля](#) и синкретичным (*une histoire fusionnelle*) в духе [Мишле](#). В последующих же работах Фюре заново открывает для себя Мишле, который, по его мнению, лучше, чем кто бы то ни было, понял неограниченный характер королевского суверенитета, воспринятого Революцией от Старого порядка, что придало символическое содержание процессу короля. Однако подобная эволюция точки зрения свидетельствует лишь о непрестанной работе по все более углубленному изучению своего предмета и о способности к самокритике.

Не меньше можно было бы рассказать и о том, как Фюре переформулировал собственные выражения, включая те, которые принесли ему известность. «Революция закончилась», – этим он первоначально хотел сказать, что ее результаты приняты и усвоены всем политическим спектром Франции от одного края до другого. В дальнейшем же он обращал внимание в основном на способ, которым эти результаты непрестанно перерабатывались французским обществом: процесс вышел для него на первое место по сравнению со статикой.

Однако наиболее заметную и в то же время наиболее противоречивую эволюцию взгляды Франсуа Фюре претерпели в отношении идей, высказывавшихся участниками событий. В «Постижении» Фюре еще разделял достаточно распространенное мнение, что основная обязанность историка Революции – дистанцироваться от той интерпретации, которую давали ей современники. Относясь с подозрением к их свидетельствам, исследователь гарантирует свою беспристрастность и избегает отождествления себя с участниками событий, которое губительно для революционной историографии. В самом деле, если историк, к примеру, эпохи Меровингов может спокойно заниматься исследованиями, не скрывая своих симпатий, то историк Революции должен отказываться от своих пристрастий еще до того, как он примется за работу.

Но со временем Фюре стал все чаще и чаще проявлять интерес к тому, как участники событий осознавали и объясняли свои действия, а также – к понятиям, в которых они формулировали жизненно важные для себя вопросы, до сих пор остающиеся таковыми. Иначе говоря, он признал мнение современников достойным того, чтобы его, если и не принимали безоговорочно, то внимательно выслушали. Более того, Фюре даже заявил, что Революция, по-видимому, «является именно таким периодом истории, при изучении которого невозможно совершить большей ошибки, чем пытаться объяснить поступки действующих лиц, оставляя без внимания их идеи и намерения». Эта особенность связана с тем, что поведением людей 89-го года управляло сознательное желание построить новое общество.

В «Постижении» мы видим индивидов, делающих историю, но не осознающих того, что они ее делают. В текстах, выпущенных к двухсотлетию, они вершат историю, понимая пусть не все, что делают, но многое. Совершенно ясно, что это «многое», которое еще не «все», но уже и не «ничего», уводит нас в область весьма нюансированного анализа, где все решают интеллект и мастерство историка, но который, тем не менее, всегда может быть оспорен, поскольку достаточно субъективен и допускает бесконечное множество интерпретаций.

Таким образом я подошла к третьему исходному тезису своих рассуждений, а именно к тому, что Фюре все более и более отдавал предпочтение политической истории. В его большой книге о XIX веке с символическим названием «Революция»⁶, так же, как и в книге о веке XX – «Прошлое иллюзии»⁷, – оставлены без внимания целые пласты истории: там нет ничего об экономическом развитии, об истории науки, об обществе как таковом. Это породило представление о Фюре как о трижды иконоборце – сокрушителе (*le rouffendeur*) социальной истории, приверженце отвлеченной истории идей, воинствующем стороннике политического и идеологического анализа как высшей формы исторического исследования (*instance majeure de l'histoire*). Я хотела бы коротко остановиться на каждом из этих пунктов.

Был ли он сокрушителем социальной истории? Да ведь он сам, о чем следует помнить, занимался ею, причем, в тех областях, которые признаются наиболее сложными для специалистов по социальной истории. В его работе о распространении печатных изданий во Франции эпохи Просвещения⁸ книга, вопреки литературной традиции и романтическому индивидуализму, рассматривается как товар, подчиняющийся общественному спросу. Исследование о распространении грамотности среди французов⁹ отводит политической воле второстепенную роль в этом процессе, который также определяется общественным спросом. Таким образом, критическое отношение к социальной истории у него имеет место лишь в строго определенном случае: когда занимаешься изучением идеологии – что он и делал в своих последних работах, – социальная казуальность представляется малоинтересной. Коммунизм никогда не был

выражением интересов трудящихся, так же, как либерализм – интересов буржуазии, а фашизм – творением большого капитала. Нельзя, исходя из интересов класса или из какого-либо рационального расчета, понять коммунистическую иллюзию, те интеллектуальные усилия, что тратились на сохранение веры в политическую идею, постоянно опровергаемую историческим процессом, который, как считалось, должен был ее подтверждать;– иллюзию, заставлявшую мужчин и женщин пренебрегать своими инстинктами, интересами, жизнью. И, наконец, иллюзию, которая, по мнению Фюре, не просто сопутствовала истории коммунизма, но собственно ее и вершила.

Фюре, таким образом, чужд: какая-либо агрессивность в области методологии, даже если резкость его высказываний и заставляет временами в нее поверить. Отказ применять тот или иной метод или следовать за тем или иным авторитетом никогда, по мнению Фюре, не должен выходить за рамки конкретного контекста. Он не отказывался от Маркса, постоянно что-то которого считал необходимым для изучения капитализма. У него нет безоговорочного недоверия и к социальной истории, а лишь убеждение, что она не универсальна (*elle ne saurait servir ? tout*). Так же, как нельзя ничего объяснить одной-единственной причиной, так нет и метода исследования, пригодного на все случаи. Каждая тема предполагает свой метод, как, возражая Декарту, объяснил нам Паскаль.

Предпочтение политической истории, несомненно, имело место. Фюре, действительно, один из тех, кто внес наибольший вклад в возобновление политических исследований во французской историографии. Но о какой, собственно, политической истории идет речь? Это не институциональная история и не та история, которая исповедуя позитивизм, ограничивалась изучением узкого слоя политических лидеров. Для Фюре характерен всеобъемлющий подход (*une instance englobante*).

Так, в сферу его исследований входит история изучения Революции, то есть вся та совокупность представлений, которые собственно и составляют образ Революции. Одна из важных заслуг Франсуа Фюре в изучении Революции – новое прочтение историографии XIX века, часто считавшейся устаревшей, но в то же время богатой идеями и противоречивой, уже тогда поставившей главные вопросы нашего времени.

Политическая история, как ее понимал Фюре, включает в себя также и социальное, поскольку именно на сцене, подготовленной Революцией, до сих пор и разворачивается противоборство разных социальных сил. И, наконец, она включает в себя изучение результатов целенаправленной деятельности разума, но не так, как это делает история идей, рассматривающая произведение в отрыве от его истоков и последствий, а для того, чтобы понять, каким образом идеи вдруг становятся действенной силой.

Мы подошли к последнему пункту – обвинению Франсуа Фюре в приверженности абстрактной истории идей. Однако и в этом отношении он был чужд нетерпимости. Лучше всего это обвинение парирует его собственный текст о юридических понятиях и революционных реалиях, опубликованный в «Анналах» (1992) в ответ на статью Мишеля Тропера¹⁰. Тропер, приверженец точных понятий, заявил, что историк должен держаться в рамках строгих юридических формулировок. Фюре же в своем блистательном ответе сослался на Учредительное собрание, где исход решающих голосований – например, о двухпалатном парламенте – всегда зависел от сопутствующих им конкретных обстоятельств, когда одновременно имело значение и давление трибун, и сила коллективного порыва. Поэтому, считал Фюре, историю институциональных понятий и людей, их разрабатывавших, надо непрестанно сочетать с изучением обстоятельств, политической практики, коллективных представлений и страстей. После такого заявления становится понятно, сколь несправедливо видеть в истории, которой он занимался, всего лишь историю субъективного. В своей книге о коммунистической иллюзии он не собирался изучать исключительно интеллектуалов. Иллюзия свойственна не только людям пишущим и размышляющим. Она распространена гораздо шире. Люди впитывают ее из самой атмосферы своего времени, где она присутствует во всевозможных формах, начиная от воинствующего фанатизма и заканчивая расплывчатой идеей смысла истории. Но для всех она служит выражением характера эпохи, когда политика становится исключительным мерилем добра и зла. Более того, иллюзия оказывается тем центром, относительно которого люди XX века начинают определять свое положение в мире.

И все же в этой книге большое место отводится именно интеллектуалам, так же, как в его последних работах о Революции все более и более значительную часть составляют портреты действующих лиц. Почему? Прежде всего, потому, что эти люди писали и оставили свои свидетельства. Кроме того, потому, они обладали способностью выражать коллективные настроения, чем и определялось их влияние в обществе. И, наконец, исследование их жизненного

пути давало Франсуа Фюре возможность проявить свой особый дар, который по мере развития его творчества раскрывался все более и более ярко. Он обладал способностью видеть характерные черты индивидуальности того или иного человека и умел проследить пути его идейных исканий.

Работы Фюре изобилуют незабываемыми портретами, которые часто укладываются в одну точную фразу. Откроем «Критический словарь Французской революции». Вот Мирабо: «человек рассеянный, порывистый, вероломный, продажный, он поймал на лету главный шанс своей жизни и стал голосом новой нации». Барнав – молодой человек в духе Стендаля: «элегантный, одаренный, обаятельный, прячущий за внешним изяществом болезненный взгляд на мир». Бонапарт «показывает свои королевские достоинства, чтобы стать героем Республики». Откроем «Прошлое иллюзии»¹¹. Вот Пьер Паскаль, христианин крайне левых взглядов, сторонник Советской республики: отрезвление для него наступило в результате столкновения с системой лжи, созданной коммунистическим режимом. А вот Дьердь Лукач, который был почти счастлив стать для Советского Союза «козлом отпущения». Бернар Шоу – невероятный национал-большевик, для которого «Сталин – хороший фабианец». Во всех этих портретах можно обнаружить и мировоззренческие предпочтения самого Франсуа Фюре. Привлекательным для него тот или иной персонаж делает бурная жизнь, нетипичная судьба, как если бы песчинка сорвалась с места и устремилась к неведомым берегам. Например, Шатобриан, соединивший в своей судьбе тысячу жизней, умевший обвораживать окружающих, «слишком католик, чтобы быть либералом, слишком преданный Бурбонам, чтобы принять Революцию, слишком аристократичный, чтобы признать неизбежность гибели той среды, в которой жил». Фюре глубоко восхищается Токвиллем и его другом Кергорлэ¹², которые, «родившись в мире, воспринимавшем Революцию как преступление, а Империю – как узурпацию», не остались пленниками ни интересов, ни предрассудков своего круга, а сумели соединить критику демократического общества с его признанием. Чувствуется, что Франсуа Фюре восхищается ими за способность отделить разум от чувства, и в этом восхищении мы вправе видеть черты личности самого историка, его собственное кредо.

Мне кажется, настало время взглянуть на творчество Франсуа Фюре иначе, чем через кривое зеркало полемики. И поскольку изменение наших политических и интеллектуальных реалий лишило, к счастью, Революцию ранее отводившегося ей места высшей цели истории и смягчило (хотя и не настолько, чтобы полностью погасить, – о чем мы и не мечтаем!) – воинственный настрой историков, мне представляется очевидным, что, выйдя из этого бурного потока, мы увидим в книгах Фюре то, что долгое время не замечалось: поиск нового, блистательный стиль, смелость в постановке задач и осторожность в их решении, борьба не столько с коммунистической иллюзией, сколько с иллюзией телеологии истории вообще.

¹ Furet F., Daumard A. Structures et relations sociales ? Paris au milieu du XVIIIe siècle // Cahiers des Annales. P., 1961. № 18.

² Furet F., Bouvier J., Gillet M. Le mouvement du profit en France du XIXe siècle. Paris–la Haye, 1965.

³ Furet F. Livre et société dans la France du XVIIIe siècle. P., 1965.

⁴ Lire et écrire, l'alphabetisation des Français de Calvin ? Jules Ferry / Sous dir. F. Furet, J. Ozouf. P., 1977. 2 vol.

⁵ Назовем лишь самые основные: Furet F., Richet D. La Révolution. 2 vols. P., 1965–1966; Furet F. Penser la Révolution. P., 1977 (в русском переводе: Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб, 1998); Dictionnaire critique de la Révolution française / Sous dir. F. Furet et M. Ozouf. P., 1988

⁶ Furet F. La Révolution, de Turgot ? Jules Ferry, 1770–1880. P., 1988.

⁷ Furet F. Le Passé d'une illusion. P., 1995.

⁸ См.: Furet F. Livre et société dans la France du XVIIIe siècle.

⁹ Lire et écrire, l'alphabetisation des Français de Calvin ? Jules Ferry / Sous dir. F. Furet, J. Ozouf.

¹⁰ Furet F. Concepts juridiques et conjoncture révolutionnaire // Annales E.S.C. 1992. № 6, nov.–déc.

¹¹ Furet F. Le Passé d'une illusion.

¹² Furet F. Des aristocrates aux yeux grands ouverts // Le Nouvel Observateur. 1978. 11 mars.